

даже каждое из этих суждений справедливо само по себе — их сумма не образует функционирующей модели византийского государственного аппарата. Вне поля зрения Гийана остается самое существенное — деятельность чиновничества (некоторым исключением служит лишь глава о продаже должностей): как осуществлялось здесь правосудие, каково было отношение государства и подданного и множество других, с этим связанных проблем. Вне поля зрения Гийана остается и социальная природа византийского государства, и социальная психология, творившая образ идеальной монархии (вопросы эти поднимаются в последнее время в работах Х. Г. Бека, Г. Хунгера и ряда других византинистов; применительно к поздней Римской империи их ставят А. Альфельди, Р. Мак-Муллен). Административная система словно оказывается не органом господства и управления, но парадной организацией, совокупностью чинов и должностей.

Несмотря на то, что конкретный материал Гийан размещает во времени, общая тенденция его книги состоит в том, чтобы подчеркнуть консервативность, даже неизменность византийских порядков и учреждений. Он ставит одну из принципиальных задач византиноведения — о соотношении родовитой аристократии и чиновной знати в Византии, и удовлетворяется констатацией того, что в Империи «во все эпохи» различали две эти группы (I, 15; ср. I, 132—134). Но позволю себе спросить, одинаково ли во все эпохи?

Два византийских историка — Феофан и Никита Хониат — принадлежат разным эпохам. Первый умер в начале IX в., второй в начале XIII. И тот, и другой в своих хрониках упоминают множество лиц, но вот что показательно: у Феофана подавляющее большинство названо только по имени, у Хониата — по имени и фамилии. Фамильные имена Феофана почти никогда не повторяются у разных лиц — это скорее личные прозвища, нежели фамилии в собственном смысле слова. У Хониата, напротив, мы встречаем четкие аристократические «династии», носящие фамилию, которая передается, правда, не всегда от отца, но иной раз от матери или даже от бабушки, по материнской линии. Случайно ли это различие? Отнюдь нет: та же разница обнаруживается при сопоставлении моллибдовулов VIII—IX и XI—XII вв. На ранних обозначаются почти всегда одни только имена, на поздних, — как правило, имена и фамилии. По-видимому, между IX и XI вв. происходит процесс консолидации родовитой аристократии. Такое заключение тем более вероятно, что именно на этот период времени приходится и рост крупной земельной собственности.

Но пойдем дальше. Говоря о положении евнухов (исследование их статуса — одно из наиболее оригинальных достижений Гийана), французский исследователь подчеркивает, что «на протяжении всего существования Византийской империи евнухи были весьма могущественными» (I, 189). И опять-таки я задам тот же вопрос — всегда ли одинаково? Легко видеть, что середина XI столетия была временем расцвета влияния скопцов на государственный аппарат, тогда как с конца этого века они довольно быстро оттесняются на задний план. С конца XI в. исчезают всевластные евнухи-фавориты, управлявшие государством незадолго до этого (такие люди, как Иоанн Орфанотроф, Иоанн Сидский или Никифориа). Евнухи вытесняются из армии, перестают командовать военными соединениями. Более того, исчезают специфически скопческие чины и должности: протовестиарий, паракимомен, препозит, стольничий и т. п. Все эти факты отмечены в книге Гийана, — но отмеченные каждый в своем месте, применительно к отдельным должностям и рангам, они не складываются в целостную картину, и потому исследователь приходит к абстрактному и неточному заключению о неизменности положения евнухов. На самом же деле, та перестройка господствующего класса, которая завершается на рубеже XI—XII вв. (отмечу попутно, что в XI в. на сцену выходит ряд аристократических родов, играющих в дальнейшем огромную политическую роль, тогда как на протяжении XII в. не появляется ни одной новой аристократической фамилии, кроме Ласкарей) и которая, в частности, выражается в консолидации родовитой знати, сказалась и на структуре константинопольского двора, где евнухи были вытеснены представителями аристократических фамилий.

К этому можно присоединить еще несколько наблюдений, сделанных самим Гийаном, но топущих в массе фактического материала. До XI в. вертикальная динамика в византийском обществе была настолько значительна, что доступ к престолу оставался в принципе открытым для энергичных выходцев из низов; с конца XI в. этот узус практически исчезает, и трон оказывается в руках нескольких знатных фамилий, состоявших в родстве между собой, — Комнинов, Ангелов, Ласкарей, Палеологов и Кантакузинов. До конца XI в. сохранялась старая система рангов, основным элементом которой были чины, жалованные высшим полководцам и администраторам: магистра, анфипата, патрикия и протоспафария. Около 1100 г. все эти старые ранги выходят из употребления, и создается новая система, основанная на принципе родства и свойства с царствующим домом (отмечая вырождение старых титулов, Гийан, к сожалению, совершен-

но оставляет в стороне возникшую при Алексее I Комнине систему рангов). Если суммировать все эти разрозненные наблюдения, у нас будут основания говорить об очень серьезных сдвигах в политической структуре Византийской империи на грани между XI и XII в.

Книга Гийана — серьезное пособие, основанное на огромном фактическом материале. Она освещает все периоды византийской истории, от IV до XV в. Это ее достоинство, но именно широта охвата делает рецензируемую работу уязвимой для критики. Легко избежать погрешностей, оставаясь в пределах узкой темы, невозможно — принимаясь за решение столь обширной задачи. Позволю себе в заключение отметить двести подобных погрешностей.

Рассматривая моллибдовул севастократора Исаака Комнина и ставя вопрос об идентификации владельца печати (I, 501 и сл.), Гийан замечает: «Два Исаака Комнина, брат Алексея I и один из сыновей этого императора, носили титул севастократора». Однако севастократором был также Исаак Комнин, внук Алексея I, великий стратарх (он отсутствует также и в списке стратархов: I, 394 сл.). Кроме того, еще один севастократор Исаак Комнин действовал при дворе Ангелов (1185—1203). Поэтому предложенная Гийаном идентификация владельца моллибдовула с сыном Алексея I спорна.

От протосеаста Иоанна Комнина, сына севастократора Андроника (брата императора Мануила I), Гийан отличает другого протосеаста Иоанна Комнина II, 319), «сына Андроника Комнина,

брата Иоанна II»; этот протосеаст Иоанн погиб при Мириокефале в 1176 г. (I, 545). Различие это — недоразумение: протосеаст Иоанн, погибший при Мириокефале, — племянник не Иоанна II (того, кстати, звали — не по отцу, а скорее всего, по матери — Иоанном Дукой), но Мануила I.

Кесаря Никифора Вриенния, известного историка и мужа еще более известного историка, Анны Комнин, Гийан безоговорочно называет внуком мятежника Никифора Вриенния (I, 45) — вопреки тому, что большинство исследователей принимает версию Зонары, считавшего кесаря сыном мятежника³. Другой кесарь, Иоанн Рожер (Рогерий), вопреки Гийану (II, 31), был не норманским авантюристом, а сыном выходца из Италии и знатной гречанки Даласины, и ему должна быть атрибуирована печать кесаря Иоанна Рогерия Даласина⁴.

Эти погрешности (а список их может быть расширен) показывают, насколько насущной задачей для византинистов является издание просопографического справочника.

А. П. Каждан

³ A. Carile, Il problema della identificazione del cesare Niceforo Briennio, «Aevum», 38, 1964, стр. 81—83.

⁴ M. Mathieu, Cinq poésies byzantines, «Byzantion», 22, 1953, стр. 139, прим. 4; L. Stiernon, Notes de titulature et de prosopographie byzantines. A propos de trois membres de la famille Rogerios, REB, 22, 1964, стр. 185—187.

H. CHANTRAINE, *Freigelassene und Slaven im Dienst der Römischen Kaiser. Studien zu ihrer Nomenklatur*, Wiesbaden, 1967, XIV + 419 стр.

В рассматриваемой работе автор ставит себе целью на основании анализа всех имеющихся источников — литературных, эпиграфических, папирологических — проследить разнообразные варианты полных и сокращенных имен императорских рабов и отпущенников, проследить принципы, которыми руководствовались при сокращении имен и титулов авторы надписей, и установить территориальные и хронологические рамки распространения тех или иных вариантов. Последний момент особенно важен, так как открывает возможность хотя бы приблизительно датировать те надписи, в которых не содержится иных данных о времени их составления.

В 19 главах своего обширного труда Шантрэн собрал, систематизировал и прокомментировал огромный материал, большей частью сводя его в таблицы, что облегчает пользование книгой, и не оставил без внимания ни одного элемента, входящего в имена императорских рабов и отпущенников, затрагивая попутно ряд других вопросов, уже ранее рассматривавшихся его предшественниками.

В первых двух главах автор останавливается на задачах своего труда и литературе вопроса. В гл. III характеризуются надписи, содержащие полные имена императоров как господ или патронов их рабов и отпущенников начиная с Августа и кончая Гордианом III, после

правления которого императорские рабы и отпущенники в надписях и папирусах вообще больше не упоминаются. Здесь Шантрен, между прочим, устанавливает, что как *divus* император обозначался только в надписях рабов и отпущенников Августа и Клавдия. Впоследствии, когда случаи апофеоза императоров участились, этот эпитет из надписей исчезает, тем более что, поскольку господином и патроном рабов и отпущенников умершего императора становился его преемник, их личная связь с определенным правителем исчезала и они становились просто императорскими рабами и отпущенниками. Разнообразие типов надписей, заключает автор, показывает, что никакого регулирующего их написание установления не было, каждый составлял их по собственному вкусу и желанию.

В гл. IV анализируются посвящения, декреты, клейма и т. п. документы, в которых императоры упоминаются не в составе имени их слуг. Соответственные надписи отпущенников более или менее равномерно распределяются по всему рассматриваемому периоду, надписи рабов становятся более многочисленными со времени Траяна, а наибольшее их число падает на время от Марка Аврелия до Каракаллы, когда они распространяются и по провинциям.

В гл. V собраны родовые имена императоров и членов их семей, встречающиеся в надписях отпущенников: Юлии, Ливии, Клавдии, Антонии, Помпеи, Сульпиции, Сальвии, Флавии, Кокции, Ульпии, Помпеи, Элии, Вибии, Цейонии, Аннии, Галерии, Аврелии, Септимии. Поскольку *praenomen* и *nomen* были одинаковыми у разных императоров и их родных, эти элементы имен отпущенников еще не могут служить опорой для точной датировки. Некоторые императорские *nomina* вообще не представлены. Так, например, нет не только имен долго правивших императоров середины III в., но и Лицинийев, хотя Валериан и Галлиен правили в общей сложности 15 лет. Исчезновение надписей императорских отпущенников к середине III в. Шантрен считает возможным объяснять либо изменением в их именах, вследствие чего мы не в состоянии выделить такие надписи, либо тем обстоятельством, что императоры не пользуются более своими отпущенниками для службы в административном аппарате. Сам автор склоняется к последнему объяснению. Здесь же он рассматривает случаи, когда императорские отпущенники носили *nomina*, не совпадавшие с императорскими, или имели два имени, и в связи с этим останавливается на вопросе об именах частных отпущенников, переходивших на службу во дворец.

В гл. VI и VII собраны надписи, в которых императорские отпущенники названы только по *cognomen*, что становится

обычным с середины II в. Определить их родовое имя можно лишь в тех случаях, когда в надписи содержится имя императора или полное имя отпущенников этих отпущенников. *Nomina* отпущенников — родителей и детей, братьев и сестер — могли быть и разными. По их *nomina* нельзя с уверенностью заключить, каково было родовое имя лица, названного в надписи только по *cognomen*, а значит, и точно датировать надпись, тем более, что Клавдии, Элии и Аврелии отнюдь не всегда были императорскими отпущенниками или их потомками. «Отпущенник [или раб] Августа» со времени Флавиев стало как бы неким титулом, и если то лицо, о котором шла речь, было хорошо известно по занимаемой им должности его называли только по *cognomen*, примеры чему имеются и в переписке Плиния с Траяном. *Cognomina* образовывались иногда от родового имени господина — Флавиан, Ульпиан, Элиан — и тогда их можно датировать по соответствующим императорам, однако лишь принимая их правление в качестве *terminus post quem*, так как, например, Ульпиан мог действовать и в III в. Иногда встречаются *cognomina*, образованные от имен членов императорской семьи, но в общем и тех и других немного.

В связи с *cognomina*, образованными от места происхождения их носителей (например Элий ПUTEОЛАН), Шантрен останавливается на вопросе, насколько правомерно судить по именам рабов об их этнической принадлежности. С его точки зрения, имена дают некоторую ориентировку, но лишь очень приблизительно, так как раб мог получить любое имя, независимо от его происхождения. Наиболее показательны кельтские, иллирийские, фракийские, египетские и семитские имена. Греческие имена чаще встречаются в надписях, потому что рабы из восточных провинций как более культурные занимали более высокие должности, рабы же из западных провинций употреблялись на черной работе и реже достигали положения, дававшего им возможность оставить по себе память. Среди императорских рабов основным источником пополнения было естественное воспроизводство, рабы разного происхождения рождались, и их имена еще менее показательны, чем имена частных рабов. Вряд ли, замечает Шантрен, приток восточных рабов в Рим был столь значителен, как это представляется по надписям с греческими именами, и неправы историки, приписывающие те «явления вырождения», которые наблюдаются при Калигуле, Нероне и Домициане, влиянию их рабов и отпущенников, выходцев с Востока.

В гл. VIII и IX рассматриваются различные варианты написания и сокра-

жения слов *Caesaris* или *Augusti libertus, servus, verna* и их временное и территориальное распространение.

В гл. X автор исследует надписи, в которых отпущенники и рабы прибавляли к имени императора слово *poster*. У отпущенников этот обычай появляется с Траяна, позже чем у рабов и свободных, состоявших на императорской службе. Соответственные надписи рабов начинаются с Флавиев. Более ранние варианты — комбинация *poster* с *Caesar*, более поздние — с *Augustus*. В греческих документах эквивалент *poster* отсутствует, следовательно, о греческом влиянии речи быть не может, но каким образом возник этот обычай, неизвестно.

Гл. XI и XII посвящены рабам и отпущенникам Августа и Августы или нескольких Августов и Цезарей. Первый случай относится только к Тиберию и Ливии, что объясняется особым и исключительным положением последней. Что касается рабов и отпущенников двух Августов, то примерно треть таких отпущенников относится ко времени до Марка Аврелия и Луция Вера, т. е. до первого совместного правления двух Августов. Феномен этот объясняют по-разному: такие отпущенники принадлежали императору и его жене; императору и его цезарям; выражение «отпущенники августов» ставилось как равнозначное выражению «императорские отпущенники» вообще; отпущенники считали своими патронами двух следовавших друг за другом императоров. Шантрен присоединяется к последнему мнению; отпущенники, говорит он, при новом императоре продолжали служить в той же должности, что и при прежнем, и потому писали «августы» во множественном числе. Таким образом, упоминание двух августов не может служить опорой для датировки. Рабы, напротив, переходя к преемнику своего прежнего владельца, считали теперь его своим господином и не называли себя рабами нескольких августов. Соответственные надписи рабов относятся ко времени совместного правления.

В гл. XIII—XV собраны надписи, в которых упоминаются слова *imperator, dominus, princeps, rex*. Последние два титула, по мнению автора, встречаются лишь в нескольких сомнительных надписях и вряд ли в действительности употреблялись. *Imperatoris libertus* вообще не встречается, *imperatoris servus* попадает в надписях времени от Нерона до Адриана, когда обозначение *imperator* доминирует в титулатуре главы государства. *Dominus* и *dominus poster* изредка встречаются при Домициане и Адриане, часто при Северах, в греческих документах — уже с Августа. Однако в общем таких надписей не много, так как обозначение *dominus* не стало официальным титулом.

В гл. XVI приведены примеры, когда императорские слуги названы *aulus, caesareus, caesarianus*. Эти наименования встречаются лишь в литературных источниках, так как не были официальными и могли относиться ко всем императорским служащим без различия их статуса.

В XVII гл. приводятся различные варианты надписей отпущенников с точки зрения того, на каком месте внутри имени отпущенника стояло имя его патрона.

Гл. XVIII посвящена подробному анализу дополнительных имен — *agnomina* — императорских рабов и отпущенников. В период Республики такие *agnomina* встречались только у государственных рабов, дольше всего сохранявших их и при Империи (последнее упоминание в 241 г.). В начале Империи *agnomina* появляются у городских рабов, рабов знати и особенно у императорских. Употребление их не было правилом, так как они встречаются примерно лишь в $\frac{1}{30}$ надписей, притом почти исключительно римских и италийских. Частично они образованы от *cognomina* и *nomina* знатнейших семей и отдельных лиц (особенно если то были императоры, члены их семей, видные деятели). Таковы, например, Друзиллиан, Агриппиниан, Меценатиан и т. п. Особую группу составляли *agnomina*, образованные от имени вассальных царей, например, Амниатиан, Архелайан, Юбатан и т. п. Другую группу составляли викарии и *alumni* императорских рабов и отпущенников, перешедших к императору и получивших *agnomina* от имени своих ординариев и воспитателей. Постоянного правила, которое определяло бы место *agnomen*, в надписи не было. Как причины появления и распространения *agnomina* Шантрен называет: подражание привилегированным государственным рабам, привязанность к прежнему хозяину или гордость его высоким положением, желание подчеркнуть, что носители *agnomina* были рожденными в доме вернами, желание указать, что они прошли выучку у известных своими познаниями и высокой квалификацией лиц, чьими викариями, воспитанниками или отпущенниками они были. Мнения, согласно которым *agnomina* служили для различения одноименных рабов или свидетельствовали о привилегированном положении императорских рабов и отпущенников, Шантрен отвергает, исходя из сравнительной немногочисленности соответственных надписей. Она свидетельствует против существования некоего общего правила и в пользу простой моды, возникшей частным образом. При Адриане *agnomina* исчезают, что автор объясняет желанием этого императора ограничить политическую и социальную роль своих рабов и отпущенников. Кро-

ме *agnomina*, в надписях уже с I в. изредка появляются прозвища, *signa*, обычно, по мнению автора, пришедший из Египта и распространившийся на Западе в основном в конце II и III в. Так как в III в. надписи императорских рабов и отпущенников исчезают, то и упоминаний *signa* в их надписях мало.

В «Заключении» Шантрен подводит итог своему исследованию и формулирует некоторые выводы. Номенклатура императорских рабов и отпущенников идентична номенклатуре рабов и отпущенников частных лиц. Полное имя императора встречается от случая к случаю и главным образом у рабов, которые в более позднее время прибавляют к нему слово *poster*. Из имен и *agnomina* можно узнать, какие рабы принадлежали нескольким господам или меняли владельцев. Триба в надписях отпущенников называется очень редко, что позволяет усомниться в привилегированном положении императорских слуг. Первоначально их надписи распространены только в Риме и Италии. С Клавдия, когда начинается урегулирование провинциальной администрации, число таких надписей умножается и в провинциях, где (особенно в дунайских провинциях) они становятся все более многочисленными и превосходят число одновременных надписей из Рима и Италии. Со времени правления Адриана число императорских отпущенников уменьшается, так как в администрации их заменяют всадники. Со II в. растет число *vernae*, хотя многие домородные рабы себя вернами и не называют. Уменьшение количества найденных в Риме надписей императорских рабов и отпущенников объясняется, помимо мероприятий Адриана, также тем, что со времени Марка Аврелия императоры в общем не часто жили в столице, дворцовая челядь сокращалась, в администрации же, особенно со времен Септимия Севера, многие должности, прежде занимавшиеся отпущенниками, перешли к солдатам. С середины III в. начинается полный развал административного аппарата, наводненного солдатчиной. В смутах того времени императорские рабы и отпущенники погибали, бежали, теряли свое имущество и своих викариев, из которых обычно рекрутировались императорские слуги. Слой квалифицированных рабов и отпущенников исчез, и когда со времени Аврелиана императоры начинают реконструировать административный аппарат, в него набирают свободнорожденных. Возможно, что в этом, замечает Шантрен, заключалась одна из причин распространения коррупции среди чиновников поздней Империи и переход к полицейским методам управления.

В конце книги Шантрен приводит различные типы номенклатуры рабов и отпущенников, помогающие датировать их

надписи. Сначала Империи и особенно при Флавиях обычно написание *Augusti libertus*; для рабов первоначально обычно *Caesaris (servus)*; слово «август» становится в их надписях более частым со времени Флавиев и особенно Траяна. Уже рано у отпущенников становится обычным сокращение *Aug.*; слово *Caesaris* пишется в I в. полностью, затем сокращается в *Caesar.*, появляются также сокращения *Caes.*, *Sae.* и *S.*, видимо, под влиянием сокращения *Aug.* Напротив слово *noster* обычно для рабов и от них перешло к отпущенникам, хотя на них влияла и соответственная терминология свободных. Вообще у отпущенников *noster* встречается редко и совсем не прививается *Imperator*, так как со времени Флавиев номенклатура отпущенников твердо устанавливается. Стадии ее эволюции следующие. *Augusti et Augustae libertus* — время Тиберия. *Caesaris libertus*, — главным образом, при Юлиях, единичные случаи при Клавдиях и Флавиях. *Caesaris Augusti libertus* — эпоха Августа и Тиберия, единичные случаи при Клавдиях и Траяне. *Augusti libertus* встречается во все времена. *Augusti l.* в I в., *Aug. l.* в I и начале II в. *Caesaris nostri libertus* — от Траяна до Марка Аврелия. *Augusti nostri libertus* — от Адриана до Северов. *Augustorum libertus* — от Клавдиев до середины III в.; *Augg. libertus* — начиная с Северов. *Agnomina* с окончанием (*ianus* — до Адриана. *Augusti liberti libertus* — до Антонина Пия. *Augusti et Augustae (servus)* — при Тиберии. *Caesaris Augusti (servus)* — I в., иногда начало II в., в единичных случаях и позже. *Caesaris nostri (servus)* — от Флавиев до 170 г. *Augusti (servus)* встречается в I в., но распространяется при Флавиях и Траяне, встречается до конца II в., иногда и в III в.; *Augusti nostri (servus)* — один раз до Адриана, затем — до середины III в. *Caesarum et Augustorum (servi)* — с 161 г. *Caesss. et Auggg. (servi)* — с Северов.

Как мы видим, рассматриваемая работа представляет собой чрезвычайно ценный справочник для всякого имеющего дело с надписями и папирусами историка и содержит ряд интересных наблюдений и выводов. Из последних некоторое сомнение вызывает утверждение автора о том, что императорские рабы не имели юридических привилегий, так как он недостаточно разъяснил, каким образом его точка зрения согласуется с известными свидетельствами Ульпиана, согласно которым рабы императоров, так же как рабы государства и городов, имели право управлять своим имуществом на тех же основаниях, что и рабы частных лиц, которым господа предоставляли свободное распоряжение пекулием, и их обязательства, дарения, продажи считались законными, если не имели целью

уменьшить часть, причитающуюся императору (*De iure fisci*, 6) (иными словами, эти рабы находились в том же положении, что отпущенники частных лиц). Кроме того, свободная женщина, вступая в брак с императорским рабом, не теряла свободы, становясь вольноотпущенницей (*ibid.*, 12). Что касается отсутствия у большинства императорских (как и частных) отпущенников указания на трибу, то здесь возможно следующее объяснение: из «Дигест» (XXXII, 35) мы знаем, что право быть вписанным в трибу и получать там раздачи покупалось, возможно, не часто. Скорее всего, императорским отпущенникам, обычно достаточно обеспеченным, такая покупка и не была нужна. Зато, как известно также из надписей, они часто занимали в городах должности, малодоступные простым отпущенникам.

Когда Шантрена связывает уменьшение числа надписей императорских рабов и отпущенников при Адриане с уменьшением их роли в администрации, он, возможно, недостаточно учитывает изменение характера надписей. С середины II в. уменьшается число надписей отдельных сочленов дворцового персонала, но зато больше появляется надписей их начальников, стоявших во главе

коллегий и декурий, часто очень многочисленных, что свидетельствует скорее не об уменьшении персонала, а о более строгой организации дворцового ведомства и его иерархии. То же относится и к административному персоналу, функции которого выходили за пределы дворца. Показательно также, что если в I в. возвышение императорских отпущенников встречало резкое неодобрение сенаторов, то Дион Кассий считает, что хотя их следует подчинить определенной дисциплине, все же различные административные ведомства должны состоять из возглавляемых всадниками императорских отпущенников, от которых император скорее может узнавать правду о положении дел, и что их следует за хорошую службу награждать и держать в чести (*Dio Cass.*, 52, 25, 5; 37, 5).

Исчезновение императорских рабов и отпущенников с середины III в. составляет особую проблему, которая, видимо, еще ждет исследователя.

Во всяком, однако, случае книга Шантрена предоставляет необходимую основу для занятий любым вопросом, связанным с рассматриваемой в ней темой.

Е. М. Штаерман